

студентам и аспирантам, а также широкому кругу читателей. Сведения, приведенные в книге, существенно расширяют наши представления о традиционной медицине мордвы. Приобщение к этим знаниям и практическому опыту поможет глубже познать многие стороны жизни, быта, культуры этноса и, на наш взгляд, обогатит медицинскую и другие науки.

Н.А. Дубова

© 2001 г., ЭО, № 4

W. K a s c h u b a. Einführung in die Europäische Ethnologie. München, 1999. 284 S.

Монография профессора Института европейской этнологии университета им. Гумбольдта в Берлине Вольфганга Кашубы представляет собой обобщающий труд, характеризующий становление и развитие «молодой научной дисциплины» – европейской этнологии (с. 10).

Это не первая работа, изданная в Германии в последние годы, посвященная европейской этнологии¹.

В многочисленных публикациях на эту тему просматривается тенденция к преодолению традиционного деления немецкой этнографической науки на *фолькскунде* (Volkskunde) – этнографию своей страны и *фёлькеркунде* (Völkerkunde) – этнографию неевропейских народов. Термин «этнология», который прежде ассоциировался с фёлькеркунде, в настоящее время получил в немецкой науке более широкое толкование. Появился новый термин «европейская этнология». Автор рецензируемой работы отмечает, что не существует какого-либо «авторского права» на введение в научный оборот определения «европейская этнология», оно не было «систематически употребляемо в научной традиции ни в фолькскунде, ни в фёлькеркунде» (с. 10).

В. Кашуба не углубляется в анализ причин появления новых терминов в немецкой этнологической науке. Следует, однако, отметить, что они характеризуют изменения, связанные с переориентацией этнологии в Германии в целом, смену приоритетов ее развития. Преобразования в науке, которые выражаются в расширении тем исследований, постановке новых проблем, во введении новых трактовок и терминов, были вызваны различными причинами: 1) кризисом «традиционной», «классической» этнографической науки, постепенно терявшей свою популярность в студенческой среде; 2) стремлением отмежеваться от фолькскунде – дисциплины, запятнавшей себя сотрудничеством с нацистским режимом; 3) глобализацией процессов (миграционных, культурных), которые предоставили ученым новые темы для исследований; 4) развитием интернациональных контактов и международной научной кооперации.

Введение в оборот более емкого и «интернационального» понятия «этнология» отражает желание немецкой науки выйти за рамки национальной парадигмы развития предмета, преодолеть национальные барьеры в изучении интернациональных процессов.

Кризис в науке, как считает К.-Г. Коль, профессор этнологии в университете им. И. Гутенберга в Майнце, автор книги «Этнология – наука о других»², в настоящее время преодолен: этнология снова стала популярной дисциплиной в университетах.

Модернизация в той или иной степени коснулась всех этнологических институтов Германии, однако она не привела к унификации содержания предмета в масштабах всей страны. В программах различных учебных учреждений, в которых изучается этнология, наблюдаются большие различия. В университетах Германии преподается классическая этнология, ориентированная на изучение неевропейских культур (фёлькеркунде), изучается традиционная культура страны (фолькскунде), а также проблематика, связанная в большей степени с современными культурологическими процессами (европейская этнология).

Автор рецензируемой монографии отмечает многообразие ориентаций этнографических институтов в современной Германии: в Мюнхене студенты изучают фолькскунде, в Тюбингене – эмпирическую культурологию, в Берлине – европейскую этнологию (с. 19).

Утверждение новой дисциплины автор связывает с появлением в 1970-х годах в Германии термина «европейская этнология». Первым институтом, включившим в свое название указанный термин, стал институт в Марбурге (1971). В 1974 г. институт во Франкфурте-на-Майне стал называться Институтом культурной антропологии и европейской этнологии. Близкой научной ориентации придерживается Институт эм-

пирической культурологии в Тюбингене (с. 10). К перечисленным выше институтам следует добавить основанный в 1990 г. университет Европы – Виадрину, в котором современные этнологические исследования ведутся в рамках культурологического факультета.

В настоящее время, как отмечает автор, из 19 немецких и 26 немецкоязычных этнографических институтов (volkskundlich orientierten Instituten) 5 связаны с европейской этнологией (с.10).

«Введение в европейскую этнологию» задумано как пособие для студентов и исследователей и имеет, с одной стороны, информативно-справочный (в той его части, где автор описывает историю этнографической науки, методы и области исследований), а с другой – творческий, проблемный характер (автор ставит дискуссионные вопросы, интерпретирует содержание научных теорий и анализирует приоритеты развития науки).

Рецензируемая монография состоит из трех глав, каждая из них делится на пять подразделов, в названиях которых прослеживаются не только основные темы работы, но и вопросы, которые автор выносит на обсуждение читателя. Первая глава «К истории науки» включает разделы: «Начала: Просвещение, Романтизм и фолькскунде»; «Программы: фолькскунде как наука»; «Поворот: от "народности" к "народной общности"»; «Развитие: народоведение как социологическая наука?»; «Путь к программе европейской этнологии». Вторая глава «Определения и теории» состоит из следующих частей: «Перспективы: культура и повседневность»; «Конструкты: идентичность и этничность»; «Отношения: социальный слой и пол»; «Процессы: преемственность и изменение»; «Коды: символ и ритуал». Последняя глава – «Методы и поля исследований» содержит разделы: «Полевое исследование: включенное наблюдение как взаимосвязь понимания и отчуждения?»; «Микроистория разработки источников и критика источников»; «Материальная культура: язык предметов»; «Дискурсивный анализ: систематизация знаний и способы аргументации»; «Этнологические источники, текст и/как репрезентация».

Одна из задач автора рецензируемой работы – определить идентичность новой научной дисциплины – европейской этнологии. Эту задачу автор решает весьма своеобразно: в своих рассуждениях он исходит скорее из того, чем европейская этнология не должна быть, а не из того, что она собой представляет.

По мнению В. Кашубы, европейская этнология не является наукой об этносе, «если под ним понимать исторический принцип развития общности, связанной общим происхождением» (с. 11). В поле ее зрения не могут находиться только европейские общества как собственные поля исследования в противопоставлении неевропейскому миру как «чужой культуре», что было бы аналогично прежде бытовавшему в науке противопоставлению этнографии немецкого народа этнографии «заморских» (неевропейских) народов. Автор выступает также против того, чтобы трактовать европейскую этнологию как «европейское народоведение», которое изучало бы национальные и региональные культуры от Исландии до Италии (с. 11).

Выделяя европейскую этнологию как особую дисциплину, которая отличается как от фолькскунде, так и от фёлькеркунде, В. Кашуба вместе с тем пытается вывести ее содержание из обеих «родственных дисциплин». Историю этнографии в Германии автор начинает с возникновения в конце XVIII в. терминов «фёлькеркунде» и «фолькскунде» (с. 21, 22), анализируя источники (статистические, описания путешествий, фольклор) и научные труды, послужившие основой становления науки. Среди предшественников этнологии автор называет как предвестников и представителей немецкого фолькскунде: И.Г. Гердера (1744–1803), братьев Я. (1785–1863) и В. Гримм (1786–1859), основателя научной этнографии В.Г. Рия (1823–1897), так и исследователей неевропейских народов (фёлькеркунде): Б. Малиновского (1884–1942), К. Леви-Строса (1908) и др. В книге рассматриваются также концепции теоретиков других дисциплин: социологов М. Вебера (1864–1920), Г. Зиммеля (1858–1918), К. Маркса (1818–1883), историка К. Лампрехта (1856–1915) и др. (с. 148–149).

Рассуждая о вкладе различных ученых в становление науки, автор приходит к выводу, что еще не написано специального исследования по истории фолькскунде, которое бы переработало широкий эмпирический материал, иллюстрирующий историческое развитие научной культуры, в особый предмет (с. 64). По мнению В. Кашубы, это объясняется отчасти тем, что фолькскунде в Германии, в отличие от Швеции, Венгрии, Франции не стало академической наукой и теоретические фундаментальные исследования, связанные с этнологией, проводятся «под крышей» других кафедр: германистики, истории науки и географии. Тот, кто защитил диссертацию по этнологии, ориентируется, как правило, на работу в музеях, которые занимаются изучением национальных костюмов, крестьянской утвари и краеведением, но не теоретическими изысканиями в области фундаментальной науки (с. 65).

Автор анализирует научные теории прошлых столетий, различия в трактовке понятий и констатирует факт, что современная наука в своих течениях и направлениях отличается от фолькскунде прошлых лет –

это понятие стало более многоликим и многозначным, так что в настоящее время сложно дать какое-либо общее однозначное определение предмета (с. 96).

Становление новой дисциплины и ее интерпретация опосредованы временем, с которым связаны глобальные изменения в различных областях: экономике, экологии, политике, науке и культуре (разрушение социалистической системы, расширение научного кругозора и др.). Эти глобальные изменения влияют на жизнь людей, приводят к ее дестабилизации. По мнению В. Кашубы, не все переживания и чувства современных людей новые; к новым феноменам он относит «сложность самонаблюдения, усиление восприятий, драматизацию сценария» (с.166).

Европейская этнология в противоположность прежнему фолькскунде должна быть, по мнению автора «наукой культурного изменения» в изменяющемся мире (с. 182). Изменение предмета в последние десятилетия автор видит в изменении тем исследования и в употреблении основных понятий. Наряду с традиционными темами исследования – праздниками, обычаями, обрядами, этнологи изучают сегодня современные феномены, связанные с миграцией, средствами массовой информации, туризмом, модой и др. Актуальными темами исследования стали культура мигрантов, культура большого города и др. Традиционные темы изучаются в новой перспективе – к примеру, в рамках современных исследований о семантике, символах, культурных кодах. Наряду с традиционными областями занятости этнологов в музеях, в организации выставок новые сферы приложения их сил появились в области образования, в сфере культурного планирования и менеджмента, в средствах массовой информации (с. 12).

Новые определения в последние годы получили традиционные понятия – к примеру, культура, которую автор в рамках европейской этнологии интерпретирует как «повседневную практику» (с. 107).

Усложнился взгляд ученых на процесс наблюдения и интерпретацию эмпирического материала, которые сами стали объектами научного анализа. В связи с этим появились и новые вопросы. Как влияют пол и культурный опыт исследователя на проведение этнологического исследования и анализ его результатов? Как велика опасность переноса собственных представлений и взглядов ученого на изучаемые субъекты и объекты? (с.105, 163).

Автор отмечает, что в последнее время активно развиваются междисциплинарные контакты, проводятся междисциплинарные исследования, усиливается связь этнологии с этнопсихологией и психологией, социологией и культурологией (с. 100). В связи с этим определять границы между дисциплинами стало сложнее. Фиксируя некоторые отличия этнологии от других дисциплин, например отмечая разницу в методах у социологов и этнологов (социологи проводят массовые опросы с репрезентативной выборкой, этнологи – включенное наблюдение, беседы и интервью, которые, с точки зрения социолога, нерепрезентативны), В. Кашуба не углубляется в разграничение названных выше предметов.

Одна из задач автора – определить идентичность предмета, который в своих темах и «основополагающих определениях находится в постоянном движении» (с. 12). По мнению В. Кашубы, молодая университетская дисциплина европейская этнология «должна находиться в постоянном поиске своей самоидентификации» и «вероятно, поэтому в своих ориентациях изменяется быстрее, чем другие учебные предметы» (с. 11). В своих рассуждениях автор следует концепции социолога В. Лепениса, который ввел в научный оборот определение «познающей идентичности» – науки, «самосознание» которой характеризуется постоянным взаимодействием между ее внутренним восприятием и восприятием ее извне, между ее собственными представлениями (самоидентификация) и представлениями о ней других» (с.18).

Взгляд автора на процессуальность современного бытия, размытие традиционных границ предметов, субъективность знания, множественность возможных интерпретаций и восприятий субъектов и объектов диктует подход к определению дисциплины. Такой подход предполагает больше вопросов, чем ответов; общих рассуждений, чем конкретных определений; описаний теорий, чем их критики. Автор относит «Введение в европейскую этнологию» к категории проблемных книг, которые не только ставят и решают проблемы, но и оставляют проблемы неразрешенными (с.9). После прочтения книги остаются вопросы. Каковы все же теоретические и географические грани новой университетской дисциплины? Как соотносится европейская этнология с другими научными предметами вообще и культурной антропологией в частности? Каково значение понятия «этнос» в рамках новой дисциплины? и др.

Книга В. Кашубы отражает состояние «брожения» современной науки. В ней нашли выражение относительность и некритичность изложения, собственные релятивизму и позитивизму, так же как интерпретации, характеризующие взгляды сторонников теории конструктивизма (конструкты: «идентичность и этничность», с. 132–143).

После прочтения книги встает вопрос: может ли «Введение в европейскую этнологию» служить ориен-

тиром для студентов, если в нем важные вопросы остаются без ответа? Не приведут ли «размытость» формулировок и неясность определений к дезориентации учащихся?

«Введение в европейскую этнологию» нельзя сравнивать с отечественными учебниками по этнологии С.А. Токарева и Ю.В. Бромлея. Возможно, перед нами один из вариантов учебных книг будущего, которые в большей степени будут представлять материал для размышления, чем давать готовые ответы?

Как бы то ни было, книгу будет интересно читать не только студентам, но и всем интересующимся новыми тенденциями и интерпретациями в развитии современной западной этнологии, которые во «Введении в европейскую этнологию» представлены достаточно широко.

Примечания

¹ Следует назвать следующие: *Hauschildt T., Nixdorf H. Europäische Ethnologie. B., 1982; Weber-Kellermann I., Bimmer A. Einführung in die Volkskunde/Europäische Ethnologie. Stuttgart, 1985; Günter W. Theoretische Konzepte der Europäischen Ethnologie. Münster; 1995; Kokot W., Drackle D. Ethnologie Europas. Grenze-Konflikte-Identitäten. B., 1996.*

² *Kohl K.-H. Ethnologie – die Wissenschaft vom kulturell Fremden. München, 1993.*

О.В. Курило

© 2001 г., ЭО, № 4

Г.Н. Волков. Этнопедагогика. М., 1999. 167 с.

Этнопедагогика – междисциплинарное (на стыке этнологической и психолого-педагогической наук) направление, сформировавшееся во второй половине XX в. Она исследует особенности и закономерности народного (этнического) воспитания. Предмет этнопедагогики (термин введен в научный оборот в конце 1960-х годов Г.Н. Волковым, создавшим свою научную школу) – педагогическая культура этносоциума. В этнопедагогике этническая традиционная культура, быт, семейно-родственные отношения рассматриваются с точки зрения их значимости для становления и развития личности как представителя своего этноса.

У каждого народа собственная этническая педагогика, основанная на национальных ценностях и мировоззрении. Такие знания особенно актуальны в настоящее время, когда необходимо определить гуманистические основы педагогики XXI в., международные стандарты глобального образования. Главные образовательные цели современности, определяющие конкретные задачи учебно-воспитательного процесса во всех возрастных звеньях, нацелены на преодоление разделенности мира на противоборствующие силы, социальные, национальные антагонизмы, приводящие к конфликтам и войнам, преодоление разлада между человеком и природой, ведущего к катастрофам экологическим, а также негативных последствий господства технократических тенденций в мировом образовании, нарушения веками складывавшихся систем передачи опыта и традиций.

Не подлежит сомнению, что важнейшей из задач, во многом предопределяющей содержание глобального образования, должна стать востребованность этнонационального пласта культуры, в том числе традиционной культуры воспитания. Педагогическое этнокультурное наследие, содержащее веками апробированные средства и методы гармоничного существования в социуме, природе, вселенной, при условии методологически грамотного и методически выверенного включения в универсальное культурное пространство неминуемо становится и способом интеграции личности в мировое целое, средством, способствующим постижению феноменальности разноуровневых рядов бесконечного поля этнических культурных богатств.

Сделан очередной шаг по направлению к этой цели. Спустя 25 лет после публикации фундаментального монографического исследования Геннадия Никандровича Волкова «Этнопедагогика», заложившего основы новой научной дисциплины, вышел в свет первый учебник по этнопедагогике для будущих учителей, а также первая программа спецкурса и методические материалы по народной педагогике.